

Государство должно точно знать свое место в форматировании динамики общества

*А.И. Соловьев,
доктор политических наук*

Я согласен с господином Дугиным относительно того, что отечественные ученые морально озабочены проблемой развития нашего общества. Однако эта нравственная коллизия должна характеризовать наше личностное состояние, а не профессиональную позицию. Ученый не может позволить себе роскошь быть «патриотом», «горячо любить Родину» и руководствоваться соображениями, позволяющими чувствам задушить в своих объятиях истину. В сталинское время, как известно, любили «советскую Родину», и гуманитарии не знали, как еще угодить «руководящей и направляющей». И к чему это привело — все прекрасно знают. Одним словом, обывательскому сердолюбию я предпочитаю научное жестокосердие. Мы должны руководствоваться соображениями поиска истины и вести себя подобно врачам, а не страдальцам и плакальщикам. Ведь врач — хоть он и сочувствует пациенту — прежде всего должен поставить ему четкий диагноз, понять пути лечения. И чем он будет спокойнее и расчетливее в своей работе, тем лучше будет и самому больному. Так что в нашем случае вопрос сводится к тому, чтобы без чрезмерных морализаций определить, какая общественная модель будет, а какая не будет вести к политическому и социальному оздоровлению России.

В этом смысле ведущийся не одно поколение поиск русской идеи чрезвычайно показателен. С одной стороны, он свидетельствует о том, что российское общество крайне

диверсифицировано и пытается найти какие-то дополнительные скрепы для минимизации этого раскола, преодоления складывавшейся веками разобщенности. Как мы знаем, российское общество по уровню внутренней солидарности уступает Европе в 5–7 раз. Одним словом, как говорил В.М. Межуев, с этой точки зрения поиск русской идеи — это проблема обретения социальной целостности. Так что усиление подобной трансцендентализации нашего — как и любого другого национального — государства представляет собой вполне естественный механизм общественного развития (и одновременно — укрепления власти правящего режима, социального порядка на данной территории и т. д.). Не знаю, правда, как содержательно интерпретировать этот концепт в эпоху глобальных коммуникаций, когда сама жизнь акцентирует роль более универсальных связей между людьми. Но, повторяю, это можно и нужно обсуждать, ничего запредельного здесь нет.

В содержательном плане трактовок русской идеи, моделей ее интерпретации множество, в том числе и любимая некоторыми интеллектуалами конспирологическая модель. Только одни предпочитают международные, а другие — местные заговорщицкие центры. Вы, к примеру, наверное, читали выступление Илларионова в Вашингтоне несколько дней назад, в котором он дает аналогичную интерпретацию российской политике (относительно группы чекистов, захвативших в стране власть). Это я к тому, что в контексте этого интеллектуального потока выдвигается множество теоретических моделей. Поэтому важно понять даже не сами очертания таких концептуальных интерпретаций, а принципы, которые в них заложены.

И вот здесь я отметил бы два-три момента, прозвучавшие в докладе, и которые вызывают у меня откровенный скепсис. Прежде всего это касается попыток соединить через концепт русской идеи интересы (и даже позиции) власти и индивида. История дала нам немало ярких примеров в этой сфере,

и мы можем предвидеть, к каким результатам приводит тезис «единый Рейх, единый народ, единый вождь». Но в докладе — та же самая логика. Представляется, однако, что для такой ценностной — соединяющий власть и индивида — редукции нет ни исторических, ни фактических оснований.

Во-вторых, у меня сложилось впечатление, что автор апеллирует к власти как к совершенно нерасчлененному явлению, хотя известно, что власть, во-первых, может быть организована и на уровне правящего режима, и на уровне политической системы и многих других административных и неформальных уровнях; а во-вторых, обладает противоречиями институционального и морально-этического измерений. Поэтому, в конечном счете, возникает вопрос: мы что, должны любить любого человека, оказавшегося у кормила (центральной, региональной и прочей) российской власти или некую абстрактную «государственность»? Понятно, что для основной массы населения этот вопрос вообще не имеет значения, поэтому вместо «любви к Родине» мы, активизируя «русскую идею», каждый раз будем получать апологетику правящего режима. Коротко говоря, не надо использовать «русскую идею» для побуждения любви к власти. Власти достаточно и уважения. Власть надо ставить в рамки, заставляя ее работать на общество, а не заставляя граждан любить формы государственного господства. Власть государства — это не родина.

Еще один момент: поиск глобальной для страны *идеи* вполне адекватен для *теоретического* дискурса. Того уровня обсуждений, который связан с практикой многочисленными ступенями. И в этом смысле рассмотрение русской идеи в прикладном аспекте, стремление довести ее до нормативных и поведенческих решений представляется мне надуманным. Я не могу себе представить, каким мотивационным зарядом она будет обладать для людей, натурализовавшихся в России; что здесь может быть для них такого внутренне «скрепляющего» с социумом, помимо общечеловеческих принци-

пов? Это люди, которые выбрали не столько страну, сколько *территорию*, и в повелительном наклонении настроиться на какую-то ценностно объединяющую модель они просто не могут. Что с ними тогда делать? Как, впрочем, и с другими слоями населения, не желающими руководствоваться такими идеями. Это я к тому, что поиск объединяющих людей ценностей звучит в докладе как оправдание идеократии, власти «идеи-правительницы», предписывающей людям формы их общежития.

И последний момент, который, на мой взгляд, проседает в докладе. Это то, о чем я спрашивал относительно современной динамики государства. Понятно, что глобализм, как бы мы его ни понимали, — это фактор качественно новых тенденций в развитии государства как политически оформленной территории. В этом смысле сама практика демонстрирует сегодня активизацию сетевых образований (как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях), демонстрируя, что при всей оставшейся у национального государства мощи в нем возникают процессы, на которые нужно адекватно реагировать. Реагировать нужно и на переток населения, и на изменение ценностной картины мира, и на формирование новых мировоззренческих комплексов, и т. д. И все эти трансформации говорят о том, что у человека усложняется видение современности, в том числе и своей страны, меняются способы идентификации, которыми, как полагает докладчик, *может и должно* управлять государство. Не должно и не может государство этого делать. Влиять — может, способствовать — может, а управлять — не может. Даже семья, близкие люди этого не могут, а уж государство — тем более. Иначе говоря, государство должно точно знать свое место в форматировании динамики общества и активизации мотивационных структур населения. Как только оно начинает преувеличивать свои возможности, неизбежно начинаются страшные по своим последствиям политические резонансы. Так что пусть государство лучше повышает свою роль в ре-

гулировании финансовых потоков во время кризиса, а с человеком будет поосторожнее. А некоторых людей пусть вообще оставит в покое.

Одним словом, мне представляется, что наша главная задача состоит в том, чтобы, актуализируя поиск интегрирующих наше общество идей, понять очертания тех социально-политических моделей общественного развития, которые вытекают из интерпретаций рассматриваемого нами концепта. И если о параметрах русской идеи мы можем говорить достаточно содержательно (ограничивая чрезмерно морализаторские и идеологические инвективы), то постановка вопроса о практическом (управленческом) внедрении этих ценностных начал, придании им какого-либо нормативного характера представляется мне неадекватной реакцией на сложившуюся сегодня ситуацию.